

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗОЛОТО ИМПЕРИИ

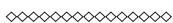
<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1</i>	17
<i>Глава 2</i>	26
<i>Глава 3</i>	42
<i>Глава 4</i>	51
<i>Глава 5</i>	60
<i>Глава 6</i>	77
<i>Глава 7</i>	96
<i>Глава 8</i>	112
<i>Глава 9</i>	122
<i>Глава 10</i>	132
<i>Глава 11</i>	145
<i>Глава 12</i>	160

ЗОЛОТО ФОРТА

<i>Глава 1</i>	216
<i>Глава 2</i>	224
<i>Глава 3</i>	234
<i>Глава 4</i>	238
<i>Глава 5</i>	245
<i>Глава 6</i>	251
<i>Глава 7</i>	254
<i>Глава 8</i>	264

<i>Глава 9</i>	272
<i>Глава 10</i>	277
<i>Глава 11</i>	284
<i>Глава 12</i>	289
<i>Глава 13</i>	293
<i>Глава 14</i>	298
<i>Глава 15</i>	311
<i>Глава 16</i>	323
<i>Глава 17</i>	332
<i>Глава 18</i>	341
<i>Глава 19</i>	351
<i>Глава 20</i>	361

ЗОЛОТО ИМПЕРИИ

С присягой вере и царю,
Присуду и родной державе
Вы службу верную свою
Несете под орлом двуглавым.
Пусть ваши семьи далеко,
Родные хаты и станицы,
Но чувство долга высоко
Под небом Северной столицы.

Пролог

Солнечный диск, цепляясь теплыми лучами за редкие облака-барашки, медленно скатывался с неба свода.

Закат в эту пору в предгорной местности был по-особенному красив. Сочная темно-оранжевая краска разливалась по водам реки Марты и, казалось, разносилась течением по многочисленным ерикам и затонам. Вся живность, чуя приближение вечера, замирала в плавнях и зарослях чакана. Лишь изредка слышалась переключка лысух и чирков, да чапура, охотясь на чабака, издавала свой типичный грубый хриплый крик, похожий на низкое короткое карканье.

Небесное светило не торопясь покидало свой небесный трон, бросая последние, но все еще яркие и теплые лучи на окрестности, словно проверяя, все ли в порядке там, на земле. Горные склоны, стоящие стеной по ту сторону Марты, отбрасывали тени на близлежащие леса и перелески. На дальних постах в недвижимый летний

воздух потянулись струйки дыма. Казаки, несшие дозорную службу, готовили ужин: кулеш или шурпу — то, что быстро и сытно.

Со степи, нарядной в это время года, одетой в лазорево-сиренево-серебристые тона, доносилось громкое ржание пасущихся коней. Терпкий запах вольных просторов, замешанный на чабреце, полыни и конском кизяке, легким суховеем доносился до станичных угодий.

Станица Мартанская, расположенная на левом притоке реки Кубани, отдыхала после летнего рабочего дня. Девки да бабы с семенушниками в руках собирались небольшими группами, чтобы всласть полугзгать семечки да обсудить все станичные новости. Казаки кто шел на станичный майдан, побалакать за жизнь, послушать станичных стариков, кто, наладив снасти, отправлялся на реку Марту, порыбалить на вечерней зорьке. Малые казачата гуртовались, чтобы погонять «чижа». Мирная жизнь чувствовалась во всем. И в спокойствии, в котором пребывала станица, и в тихом течении реки Марты, обрамленной зоной широколиственных предгорных лесов, несущей не торопясь свои воды к матушке Кубани. Именно эта река и определила название для станицы. Название реки произошло от древнеадыгейского слова «амард» или «амарт» — «крутой склон (склоновая)».

Основана станица была в одна тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году. До этого здесь был черченевский (одно из племен адыгов) аул Псегуб. Во времена Кавказской войны большинство черченевцев сопротивлялись русским войскам. А в ноябре одна тысяча восемьсот пятьдесят первого года генерал Григорий Рашпиль, заручившись поддержкой горцев-хамышевцев (еще одно племя адыгов), провел экспедицию по принятию присяги на верность Российской империи черченевцами.

Все черченевцы, населявшие эти места, присягу приняли, один только аул Псегуб отказался. В наказа-

ние за свою непокорность весь поселок был сожжен русскими войсками. Через два года после основания в станице Мартанской была построена и освящена церковь во имя Михаила Архангела. В которой, спустя время и на радость самих станичников, настоятелем был определен отец Иосиф.

Билые — Марфа с Миколой да маленьким сынишкой Димитрием — не торопясь прогуливались по станичной улице. «Здорово живете», «Здоровэньки булы» — то и дело слышались приветствия станичников. «Слава Богу, и вам того же», — отвечали Марфа с Миколой. Даже малой Димитрий, семенявший за батькой, останавливался, наклонял в ответ на приветствия свою голову и звонким детским голосом говорил: «Слява Богу!», делая акцент на характерное «г».

Незаметно семейство Билых вышло к берегу реки Марты. Хотелось уединения. Побывать друг с другом. Совместное житье с родителями да и строгие станичные правила не позволяли открыто показывать свои чувства. Солнце клонилось на закат, оставляя на воде золотисто-оранжевые блики.

Марфа, шедшая до этого чуть поодаль от Миколы, как того требовали традиции, обняла мужа руками и прижалась к его спине. Маленький Димитрий резво подбежал к берегу реки и, поднимая лежащие на песке ветки, стал бросать их в воду.

Казак, ощутив близость супруги, слегка отклонил голову назад. Марфа, прижимаясь к спине мужа еще сильнее, поцеловала его в плечо. Микола улыбнулся и закрыл на мгновение глаза. Затем, высвободившись из объятий жены, привлек ее к себе и страстно впился своими губами в ее губы. Казачка вся зарделась, сердце бешено застучало, из груди вырвался тихий стон.

— Коханный мой! — чувственно произнесла супруга, глядя на мужа томным взглядом. Казак тихо рассмеялся, лихо тихонько гикнул, дурчась, подхватил ее на

руки и пошел к берегу, где играл с веточками сынишка, строя не то шалашик, не то крепостицу. Зайдя по щиколотку в реку, Билый опустил жену в воду. Черевички сразу намокли. Марфа засмеялась в легком волнении и, зачерпнув пригоршню воды, брызнула на Миколу. Тот ответил тем же, и через минуту оба, мокрые и радостные, вновь стояли обнявшись. Димитрий, не понимая своим детским разумом, что делают родители, но видя их настроение, подбежал, громко смеясь. Руки его сжимали тонкий надломленный стебелек камыша. На верхушке еще остался белесый пух соцветия.

Билый взял сына на руки, перехватился удобно и обнял жену, привлекая к себе. Так, в молчанье, они долго смотрели: на горы, лес, дальний пост, где нес дозорную службу односум Иван Колбаса, на реку Марту, качающую в своих водах оранжево-золотистые лучи солнца.

Марфа счастливо вздохнула, проникаясь моментом, прижимаясь к плечу Миколы, тихим, вкрадчивым голосом произнесла:

— Божечки ж мий! Яка красота! Блещить, як то золотые монеты сыплет! — В минуты волнения она переходила на родную каждому станичнику балачку.

Казак крепче прижал супругу к себе, коснулся губами ее темно-каштановых волос, пахнущих летом и степью, и глубокомысленно ответил:

— Не все то золото, что блестит.

В дуновении теплого ветерка, донесшего полынно-чаберный дух со степных просторов, послышалось конское ржание. Микола повернул голову в сторону степного шляха, ведущего до соседней станицы, где располагалось атаманское правление, а там и до самого Катеринодара. Верстах в двух над степью клубилось пыльное облачко, медленно продвигающееся в сторону станицы Мартанской. «Всадник, — мелькнуло в голове у Билого. — Идет наметом, значит, срочные вести везет».

Облако пыли приближалось. Действительно, по шляху, ведущему от Атаманского войскового правления в сторону станицы, мчался всадник. Копыта коня так быстро мелькали, что казалось — животное скользит над землей, не касаясь ее. Человек размахивал правой рукой и что-то кричал. Но подьесаул Билый не мог разобрать в сливающимся с топотом копыт крике востового, какое именно известие казак вез.

Всадник приблизился настолько, что среди клубов пыли уже можно было различить его фигуру. Это был Рудь, посланный накануне станичным атаманом в Атаманское войсковое правление. К бабке не ходи, Василь везет важное известие. И судя по всему, это донесение касалось его, подьесаула Билого, иначе востовой напрямик направился бы в станицу и не подавал настолько отчаянные знаки, привлекая внимание.

— Вашбродь! Господин подьесаул! Дядько Микола! — донеслось отчетливо до слуха Билого. Марфа в легком напряжении еще крепче прижалась к супругу. Микола слегка отстранил ее и еле слышно ругнулся в сторону: «Ну, затараторил, шельма!»

Лицо его стало серьезным. Он вновь из любящего мужа и отца превращался в негибаемого воина, готового к любым испытаниям.

— Микола, ридный, шо там?! — с волнением в голосе спросила супруга. — Неужто беда яка?! Вийна?

— Полно, Марфа! Какая война? — убедительно ответил Билый. — Беда по-иному выглядит, да и приходится иначе. Никак пакет важный с правления Василь доставил.

Хоть и был уверен подьесаул, что вряд ли Рудь скачет со сполохом, но внутренняя чуйка держала его в некотором напряжении. Микола, выждав мгновение, добавил:

— Сейчас и узнаем, с какими вестями односум вернулся!

Казак успокаивающе тронул жену за плечо и пошел навстречу всаднику.

Вестовой осадил коня, спешился, проворно спрыгнув.

— Господин подьесаул! — подбегая к Билому и отдавая честь, выпалил Василь.

— Остав! Не на параде и не в строю, — остановил его прыть Микола и, кивнув на пакет в руках приказного, добавил: — Докладывай без формы, что там?

— Не томи, Василь, — прошептала Марфа.

— Пакет с войскового правления. Что там, не ведаю, но на словах намекнули, что вас касаемо! — отчеканил вестовой.

— Ясно! — ответил Микола и голосом, не терпящем возражения, добавил: — Так какого ты беса не к атаману прямиком, а ко мне?! — Выгоревшие на солнце брови его сурово сдвинулись.

— Так я, — замялся Василь, — вам сообщить сперва хотел! Я подумал, что так правильнее. Ведь вас касается же сообщение.

— Так я... Сперва хотеть нужно приказ вышестоящего начальника исполнить, а не демагогию здесь разводить! — слегка повысив голос, сказал Билый. — Атаман пакет ждет, а ты здесь. Живо в станицу! Исполнять!

— Есть!

Приказной повернулся, щелкнув задниками ичиг. Быстрым шагом направился к своему коню. С ходу впрыгнул в седло, и через минуту его силуэт скрылся в клубе пыли.

— Доложи, что я буду через четверть часа! — выкрикнул Микола вслед удаляющемуся Василю.

— Шо там, Микола? Шо может быть? — спросила Марфа, когда Билый, поборов в себе негодование халатностью Василя, подошел к ней.

— Пакет срочный. Что в нем, неизвестно. Но каким-то образом касается меня, — спокойным, но серьезным голосом сказал подьесаул.

Марфа ойкнула, прижав ладонь к губам. На ее лице появились черточки неподдельного волнения.

— Ну, ну, сердешная! — попытался успокоить ее Микола. — Главное, что войны нет. Остальное ерунда!

Бабье сердце подсказывало, что неспроста тот пакет везет Василь атаману. Чувствовала перемены в их тихой, мирной жизни, и от этого тревожно становилось на душе.

— Бери малого на руки и идите до хаты, — распорядился Микола, вскакивая на коня. — Я хамылем до батьки. Узнаю, что да как.

Билый поцеловал наскоро супругу, взъерошил волосики на голове сынишки, развернулся и, слегка сгибая ноги в коленях — привычка пластунов, — помчался в станицу.

Василь, получив взбучку от господина подьесаула, пустил коня во всю прыть, стрелой домчался до станицы и, почти не сбавляя напора, сопровождаемый недоуменными взглядами станичников, пролетел на своем ахалтекинце до хаты станичного атамана, Ивана Михайловича Билого.

У хаты осадил коня:

— Тпру-у-у, чертяка скаженный!

Приказной, выпрыгнув резво из седла, накинул узду на плетень, и, наскоро отряхнув пыль с черкески, со всей силы постучал в ворота. Прислушался. Но кроме того, как сердце набатом било в груди, сначала ничего не услышал.

С минуту, показавшейся Василию вечностью, он стоял в ожидании и вновь с силой затарабанил в дубовые доски, из которых были сделаны узорчатые ворота.

— Чего шумишь?! — раздался внезапно окрик.

Михась вздрогнул, увлеченный занятием — управлялся с овцами на базу, наконец-то услышав стук, воткнул вилы в стожок свежего пахучего сена и направился к воротам.

— Пакет срочный атаману! — ответил в запале Василь, прыгая чертиком не хуже своего нетерпеливого коня. Горячая и буйная пара была словно создана друг для друга.

— Ну заходи, раз срочный! — отворяя калитку, сказал, зевая, Михась. Утро не заладилось, и сейчас хотелось завалиться в сено. И если бы не настойчивость друга, то непременно так бы и сделал.

— Чего сонный такой?! — с ходу спросил приказной, нетерпеливо толкая приятеля в грудь. — Спать надо ночью, а не хамылять по пластам!

— Не учи, — протянул казак, снова давя в себе зевок.

Василь Рудь и Михась Билый были почти одногодками и не раз по мальству вместе с другими станичными подпарубками то рыбалили в ериках Марты, то гоняли в чижа, а то просто шаландались по окраине степа от нечего делать, гоняя тушканов да байбаков.

Вместе учились в Министерском училище, открытом в первый год существования станицы. А после его окончания Василь Рудь, не проявлявший большого рвения к наукам, занялся обучением ремеслу коваля, Михась Билый под нажимом отца, Ивана Михайловича, в ту пору уже занимавшего должность выборного атамана станицы, продолжил обучение, окончив, как и старший брат Микола, мужскую гимназию.

Жизненные пути бывших приятелей разошлись, но чувство братства, типичное в казачьей среде, связало их, как, впрочем, и других их сверстников, на всю жизнь.

Рудь заозирался, ища взглядом атамана на базу.

— Да у хати батько, иди ужо, — опережая немой вопрос Василя, сказал Михась. — Аккурат сейчас за бумагами сидит. Только постучи, прежде чем входить в хату. А то батько дуже не любит, когда без стука-то!

— Да знамо дело, — отмахнулся Василь. — Что я, совсем дурной — без стука к атаману соваться! Не впервой!

Вспомнилась ему история, когда выполнял Рудь свое первое поручение и на радостях, что справился быстрее, чем гадал, без стука вбежал в хату атамана.

Иван Михайлович как раз в этот момент кумекал над очередной цидулкой в атаманское правление. Василь и слова произнести не успел, как Билый, нахмурившись и стукнув своим пудовым кулаком по столу так, что опрокинул чернильницу, стоявшую у края, спустил на оторопевшего казака всех собак. Крепко запомнился ему этот случай. Мало того, так еще и дед Трохим, когда младший из рода Рудь вернулся домой, прочитал лекцию, оттянув своими костлявыми, но словно лещетки крепкими пальцами ухо Василя. «Сукин ты сын. Бисова душа, — по чем зря отчитывал дед внука. — Меня, старого казака, перед атаманом позорить! Шоб ты варился и воды три дня не было! Еще раз позволишь к начальству по панибратству, а не по форме докладывать, шкуру спущу!»

Крепко досталось тогда Василию. Урок был выучен. Поднявшись на крыльцо атаманской хаты, казак краем глаза увидел через открытое окно сидящего за столом атамана. Склонившись над листом бумаги, тот что-то писал, макая то и дело перо в чернильницу. Василь негромко, но так, чтобы было слышно, кашлянул и постучал в дверь. Иван Михайлович оторвался от своего занятия и посмотрел в окно. Цветастая ситцевая занавеска заколыхалась в легком дуновении ветерка. Через окно был виден участок база и сада.

— Входите, кто там! — властно сказал атаман.

Приказной оправил черкеску, подтянул пояс с кинжалом и, сняв запяленную папаху, вошел в хату. Перекрестившись на образа в красном углу, Василь поздоровался:

— Здоровенькы булы!

— Да слава Богу! Слава Богу! — ответил Иван Михайлович. — С чем пожаловал в такой час?! Михась! Слышь?! Принеси квасу! Друг твой упрел. Только обмороков мне не хватало.

Казак покачал головой, но на шутку не обиделся — батяка он такой, за всеми все видит: пить действительно очень хотелось.

— Мигом! — донесся голос сына с база.

— Давай. Продолжай.

— Господин атаман! Ваше поручение выполнено! — отрапортовал Василь.

— Всё? — удивленно спросил старший Билый. Иногда молодежь его пугала — шума и возни много, а из-за чего — непонятно.

— Никак нет! — чеканя каждое слово и стоя навытяжку, доложил Рудь. — Пакет срочный для вас!

— Вот ведь скаженный! Так чего ты тянешь! — недоуменно выкрикнул Иван Михайлович. — Давай сюда скорее!

Приняв из рук вестового пакет, Билый с минуту вертел его в руках, то поднося к носу, словно принюхиваясь к тому, что лежало внутри, то смотря на него со стороны, вытянув руку. Пыхтел и даже покрякивал, задумчиво собирая густую бороду в пятерню. Затем, решившись, положил пакет на стол, взял нож и одним ловким движением вскрыл сургуч с оттиском войсковой печати.

Рудь, недоуменно наблюдавший за такими приготовлениями к важному делу, отмер, шелохнувшись.

— Эх, Василь, Василь, — не злобно проговорил атаман, — никак тебя жизнь не учит. Сначала о пакете доложить следовало, а уж затем о том, с чем я тебя посылал! — И, посмотрев в сторону обескураженного приказного, махнул рукой: — Та!

Через секунду, словно забыв о казаке, станичный батяка снова взял пакет в руки и достал из него аккуратно сложенный лист бумаги. Рудь почувствовал, как заалели краешки ушей, и с усилившимся интересом стал наблюдать за всем, что происходило. Кто знает? Может, и он когда-нибудь так сядет в кресло.

Атаман пробежал глазами по листу бумаги, на которм ровными строчками красовался каллиграфиче-

ски написанный шриффт. В конце письма стояла круглая войсковая печать — такая же, как была на сургуче. Иван Михайлович, читая, то слегка хмурился, то широко открывал глаза, а в конце письма его губы растянулись в довольной улыбке. Он разгладил усы, мельком глянул на казака и снова прочел все письмо от начала до конца.

— Ага! Так-то! Ай маладца! — раздавалось в тишине хаты.

Видно было по всему, что новости добрые. Василь стоял навтыжку, боясь задать вопрос. «Сколько бы ни продлилось, буду ждать!» — пронеслась мысль.

Иван Михайлович, дочитав, снова аккуратно сложил лист бумаги. Взяв в руки конверт, чтобы положить письмо внутрь, он удивленно крикнул и повернул бумажный склеенный сверток. Из него выпал еще один, сложенный так же, как и предыдущий, лист бумаги. Билый раскрыл лист, и вновь улыбка отразилась на его лице.

— Ай, да добрые ж вести привез ты, Василь! — хлопнув ладонями, воскликнул атаман. — Ох и добрые! — И, повернувшись к образам, истово перекрестился. — Слава Богу за всё!

— Дозволь, батько? — Дверь хаты отворилась, и на пороге возникла фигура старшего сына. Прежде чем появиться перед очами отца, Микола тщательно вычистил пыль с бешмета и шаровар и натер голенища ичиг. В руках он держал кувшин квасу и шепнул Василию, не разжимая губ: — Отомри. Пей.

Приказной принял кувшин и с благодарностью отошел в угол.

— А-а-а, сынку! — радостно воскликнул Иван Михайлович. — Ну проходи, проходи! Хотя постой! Кликни за одним и Михася. Шоб опосля десять раз не повторять одно и то же. Да живей!

Что-то важное заметалось в воздухе. Птицей забилося в светлой комнатке. Миколе передалось волнение

отца. Но судя по его настроению, вести, которые привез Василь, обещали быть добрыми. Подъесаул вышел на крыльцо и, повернувшись к базу, позвал брата:

— Михась! Батько кличет! Ходи до хаты!

— Так овцы же?!

— Живо стараться!

— Есть!

Михась положил охапку молочая овцам, отер рукавом бешмета пот со лба и нехотя пошел к хате. Кивком головы задал немой вопрос Миколу, тот, пожимая плечами, так же, не произнося ни слова, ответил, мол, не знаю, требует батька к себе — значит, надо исполнять.

Глава 1

Через минуту оба брата, перекрестившись на образе, стояли перед Иваном Михайловичем. Чуть в стороне так же по стойке смирно стоял Василь. Глаза остекленели. Кувшин на лавке. Готов исполнять любой наказ. Только не выгоняйте — дайте послушать последние добрые новости.

Подъесаул, глянув на приказного, невольно улыбнулся, но тут же спрятал улыбку в кулак, делаясь серьезным. Момент требовал блюсти дисциплину. Да и отец выглядел слишком торжественным.

— Сынки.

— Батько, — эхом отозвался младшенький. Отец сердито свел брови, но слишком делано. Разулыбался.

— Ну шо, сынки! — начал Иван Михайлович. — Добрые вести пришли в нашу хату. Такие добрые, шо лучше и не бывает!

— Да уж не томил бы ты нас, — отозвался Микола. Сам думая: «Неужто крест пожаловали?»

Братья переглянулись и затем вдвоем посмотрели на Василя. Тот, заметив их взгляд, слегка помотал головой. Мол, нет, хлопцы, не знаю ничего, хотя и пытался ребус разгадать.

Иван Михайлович светился и пыхтел, как новый самовар. Взял в руки первое письмо и, смахнув на радостях слезу, прочитал вслух. Это был приказ войскового атамана о направлении подъесаула Билого Николая Ивановича, за особые заслуги, для прохождения служ-